

Сергей

Свой

Выстрел, спасший

Империю

Сергей Свой

Выстрел, спасший Империю. 2 том

«Автор»

2026

Свой С.

Выстрел, спасший Империю. 2 том / С. Свой — «Автор», 2026

Он не допустил убийства террористами Александра II. Наш офицер - "попаванец". Благодаря одному - его выстрелу, получили право на жизнь десятки, если на сотни миллионов россиян. Как хорошо сказал о 1-м томе один из читателей: «Жаль что это только сказка». Это произведение написано в жанре "Альтернативная история", т.е. фантастика - без обсуждения! Автор для написания этого произведения использовал прообразы людей и события, которые, возможно, существовали в истории России. Все действия, описанные в произведении, происходят в неизвестно какой реальности. Если вы хотите сравнить описанное здесь с историей России на нашей планете - обращайтесь в Государственные Архивы Российской Федерации. В интернете есть контакты этих организаций в свободном доступе. А для желающих просто провести время, читая интересную (надеюсь!) фантастику о стране Россия - вам сюда!)))С уважением к Вам - автор.

© Свой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Выстрел, спасший Империю. 2 том

Глава 1

Предисловие ко второму тому. Продолжаю эпопею офицера РФ, попавшего на место и в момент последнего покушения на Александра II, и предотвратившего это преступление террористов "от народа". Одним метким выстрелом из револьвера он изменил в корне, не побоюсь громких слов, ВЕСЬ ход Мировой Истории. Именно - ВЕСЬ. Но, увы, слова одного из моих читателей читателей - Аувен - «Жаль что это только сказка», справедливы ... Ну, хоть помечтаем ... Второй том

«Выстрел, спасший Империю»

Глава первая

Март одна тысяча девятьсот второго года выдался. В Петербурге на редкость скверно. Он был сырым, промозглым, мокрым снегом, который падал постоянно на булыжники мостовой и тут же таял, превращаясь в грязную кашу.

Нечаев сидел в своём кабинете в Зимнем дворце, в том самом кабинете, который когда-то был кабинетом уважаемого им Лориса Меликова, а потом пустовал. Пока молодой император не распорядился отдать его генералу для работы.

Кабинет был обставлен скупо, огромный стол, заваленный всякими папками с донесениями, кожаное кресло с высокой спинкой, ну и, естественно, карта мира на стене. Вся в пометках. И в прикованных проколотых бумагах. В булавках. Сейф в углу. Был произведён с декорацией под шкаф, на столе неизменный графин с водой, ну как положено. 2 стакана. И две стопки свежих газет. Портфель кожаный, в котором он носил свои самые секретные бумаги и с которым никогда не расставался, выходя из кабинета.

На столе громоздились папки с донесениями. Из Пекина, из Лондона, из Токио, из Берлина, из Вашингтона, то есть от всех агентов. Которые работали напрямую на него. Некоторые папки были с грифами. Например, гриф секретно или вскрыть лично государю, но нечаев перебирал их неторопливо все. Как будто карта перед партией. Карточную игру, например, в покер.

Ему было уже 50 лет, если считать с первого его появления в этом мире, из дымного грохочущего провала времени. В тысяча восемьсот восемьдесят первом году. А если считать его настоящий возраст, то есть той другой реальности, пожалуй, все 70, если не больше. Плечо, которое прострелили еще в девяносто втором году. К непогоде ныла. Пальцы иногда немели, но всё-таки последствия этой пули раздробившей. Кость и зацепившие нервы давали о себе знать. Глаза. Всё те же, оставались и цепкими. И взгляд был острым. Не хуже, чем лезвие ножа. Дверь после тихого стука вошёл в флигель адъютант, молодой поручик с аккуратно подстриженными усиками. Бронпункт Штекельберг, из обрусевших немцев. Неглупый и надёжный, по крайней мере на взгляд Нечаева.- Ваше превосходительство, государь приказал передать, что ждут вас немедленно. Из Гатчины к нему прибыл адмирал Макаров и также генерал Давыдов просил у вас аудиенции. Нужно встретиться до совещания у государя, он сказал, что это срочно. Нечаев взглянул на свои часы, брегет старой работы, подарок ещё того императора, Александра второго. Без двадцати двенадцать, ну где-то час оставался на то, чтобы принять Давыдова. Освежить последние данные из Японии.

Что там за новые известия появились с Дальнего Востока? - Хорошо, зовите Давыдова. Генерал-майор Давыдов вошёл бесшумно. Он всегда так входил, как тень, эта его привычка была выработана 20 годами работы в контрразведке. Этот человек уже постарел, виски поседел, под глазами залегли синие тени, но пружинистая фигура, и цепкий, всё запоминающий взгляд, остались всё теми же. В своих руках он держал папку, перевязанную чёрной лентой. Ну не служба, а похороны какие-то, подумал Нечаев, ладно. - Садись, Давыдов. Что у тебя за срочность? Генерал опустил на стул. Положил свою папку на колени. И задумчиво посмотрел на Нечаева. - Я получил подтверждение из Японии. Из Токио. Японцы уже приняли семилетнюю программу перевооружения армии и флота. По флоту - 6 броненосцев уже спустили на воду, ещё 2 заложены ещё. Силы крейсеров пополнились четырьмя крейсерами, англичане не просто им продают корабли, они передают все новейшие системы. Как наводки орудийных стволов, так и крепление башен и всё остальное..- Хорошо, хорошо. Сколько у нас кораблей первого ранга на Тихом океане?- У нас сейчас на Тихом океане семь эскадренных броненосцев. Плюс ещё крейсера первого ранга. Макаров требует переброски ещё броненосцев с Балтики, но это всё-таки риск. Пока они обогнут Европу, Африку, тут враги могут неплохо поработать и перехватить. Этот перегон кораблей вряд ли хорошая идея. - А что с КВЖД ? - Работает на шестьдесят процентов от своей запланированной мощности. Совсем полностью запустим к концу одна тысяча девятьсот третьего года, не ранее. Только тогда мы сможем перебрасывать по несколько, до 5 эшелонов в сутки, но всё-таки ... Давыдов помолчал, у нас другая основная проблема, генерал. - И какая же?- Эсеры у нас проблема. Их боевая организация чересчур активизировалась. Азеф передал, что они готовят теракты в Петербурге, чтобы сорвать все наши приготовления к войне. Цели. Основные - военный министр, начальник генерального штаба, ну и разумеется вы. - Я в списке?- Первым номером генерал. Они считают, что без вас император останется без главного советника, ну соответственно, война будет проиграна. А войну они хотят проиграть, чтобы после этой проигранной войны устроить революцию в России. Да, Нечаев усмехнулся горько, совсем без грамма веселья. - Ведь этот же Азеф, чёрт бы его побрал, работает на нас, он же двойной агент, он даже тройной агент. - Работает, но он предупредил, что если мы не остановим боевиков, они сменят и исполнителей, и тогда он может не узнать о покушении вовремя. То есть он нам предлагает рыбку на крючок. - И что ты предлагаешь?- Убрать всех, я предлагаю, всех, кто входит в боевую организацию, кроме Азефа. Аресты инсценировки несчастных случаев и ... Давыдов понизил голос, - соответственно, после этого ликвидация. Основное это - ликвидация. Нечаев молчал. Перед его глазами пронеслись лица всех тех, кто погиб в его первой жизни. Это были Столыпин убитый в Киеве, великий князь Сергей Александрович, чья карета тоже была взорвана под Кремлём. Десятки. И сотни жандармских офицеров, губернаторов, да и просто людей. Случайно оказавшийся рядом со взорвавшейся бомбой. - Я не хочу уподобляться им. - сказал Нечаев - я 20 лет строил империю, в которой законы выше пуль. И что ты предлагаешь мне теперь?- Я предлагаю вам спасти империю, - ответил Давыдов, - жёстко спасти, у нас нет выбора или мы, или они. Нечаев встал, подошёл к окну. Посмотрел на него, на Неве ещё лёд, на Адмиралтейской набережной редкие прохожие, и все это было в замершей России. Россия, которая сама ещё не знала, что какое предчувствие у неё на душе...- Я помню каждого террориста, который поднимал руку на власть. На царскую власть. Я читал все списки замученных, расстрелянных, убитых. В той жизни. Откуда я сюда появился. Эти твари называли себя борцами за свободу. Они убивали друг друга в гражданской войне, потом их внуки расстреливали миллионы своих же сограждан. Но я не хочу этого повторения. - Так давайте прервём эту цепочку, - жёстко сказал Давыдов. Нечаев повернулся к нему. Его глаза были сухими, он никогда не плакал, он просто разучился плакать. - Так, ладно, ты составил список?- Да, генерал. 20 человек. 6 в Петербурге, трое в Москве, двое в Киеве, один в Женеве, ну этот связник. - Понял. - Ладно. Чёрт с ними. Но только Азефа пока не трогать. Нам он будет ещё нужен. А остальных ... - Нечаев тут промолчал. - Убери их. Только тихо. Без

пыткок. И чтоб не было даже видно, куда они исчезли.- Слушаюсь, ваше превосходительство.- И, Давыдов, - тут голос у Нечаева немного дрогнул. Впервые за много лет, - это останется между нами, конечно, но ещё раз повторяюсь - государь не должен об этом знать. Он человек совсем другой. И пусть его совесть будет чиста, иначе нам не сдобровать с тобой. Давыдов кивнул и вышел так же бесшумно, как и вошёл. Нечаев остался один, он снял с полки с полки папку. С донесениями от агентов, это та папка, которую он для себя называл чёрной, она чёрного цвета и была, кстати. Он полистал её, перечитывая имена людей, которых только что приговорил к смерти. Каждое имя всплывало из его памяти, не только с досье. Которая и была у него. А из настоящей, его памяти. Вот студентка, которая метнула бомбу в генерал-губернатора. Вот солдат-дезертир. Который зарезал полицмейстера, вот священник расстрига и пропойца. Печатавший листовки с призывами к цареубийству. Он знал их. Он знал их судьбы, почти всех судьбы. Знал, что в той реальности они погибнут или от пуль жандармов, или от пеньковых верёвок на виселице. Но здесь они просто пропадут. И просто не будет ни суда, ни газетных заголовков, никаких ореолов, для мучеников - просто будет пустота, чистый лист, всё. Он задержался на 1 дневнике. На перехваченной копии которого лежали папки. Это был невысокий молодой человек с бородкой, похожий на семинариста - один из самых опасных. Он был тот, кто создавал бомбы. Нечаев прочитал написанное несколько месяцев назад именно этим человеком. В скобках - убивать царя пока не время, но генерала Нечаева нужно. Нужно немедленно. Без него вся система рухнет, это не человек. Это тот цемент, который скрепляет империю. Вытащите этот цемент. Завалится всё здание. Всё. Он отложил листок, почувствовав холод в груди, но не от болезни. А от понимания, от того, что кому-то он нужен мёртвым. И этот кто-то готов его убивать.- Прости, -- сказал он невидимому собеседнику, -- но я жив. А ты уже нет. Он вернул папку на место. Запер ящик сейфа и пошёл из кабинета и пошёл на совещание к императору, война, всё-таки идёт война. У императора Николай II принимал в малой столовой, там, где когда то его отец Александр III любил собирать совсем узкий круг советников, которые ему всё советовали, что делать и как делать. И как желательно делать. Эта комната была небольшой, обставлена по-спартански, длинный стол, покрытый зелёным сукном, несколько стульев с высокими спинками, ну и портрет Екатерины Великой, который висел на стене. Сам император сидел во главе стола, подперев рукой голову. Он выглядел усталым, у него вообще был взгляд, как у побитой собаки. После болезни, перенесённой в тысяча восемьсот девяносто девятом году, он так и не оправился полностью. Под глазами залегли тени, движения стали медленнее. Рядом с ним стоял коренастый человек в адмиральском мундире и с окладистой бородой. Быстрыми, умными глазами. Это был Степан Иосипович Макаров, тот самый, которого Нечаев в своё время вытащил из опалы и поставил командовать тихоокеанской эскадрой. В данный момент адмирал выглядел бодро, но чувствовала, что переезд из Порт-Артура, в Петербург, а это очень долго - почти 2 недели на поезде, вымотал его вдребезги.- Проходите, генерал, сказал Николай жестом приглашая садиться, - адмирал только что доложил мне о состоянии флота. Я теперь хочу, чтобы и вы это услышали из первых уст. Нечаев сел на стул с краю, напротив Макарова, император занял своё место во главе стола. - Ваше величество, генерал, - начал Макаров, не любивший долгих предисловий - Мы вообще-то не готовы к этой войне, вернее - готовы не на сто процентов, а точнее - на 70. И если японцы нападут на нас завтра, нам придётся, ну, очень туго.- А что конкретно-то не готово? - Спросил Нечаев.- Артиллерия на кораблях хорошая, - сказал Макаров, - броненосцы крепкие. Отличные, но экипажи ещё не обстреляны. Мы проводили учения в Жёлтом море в прошлом году. Маневрируем мы намного хуже японцев, а ведь адмирал Того не дурак, он это использует обязательно.- А крепость, что Кондратенко? - Спросил Нечаев. Макаров переглянулся с императором, ну и Николай кивнул, говори, генерал, уж всё как есть. - Укрепление у Порт-Артура наполовину готово, генерал Кондратенко делает чудеса. Но бетон схватывается не быстрее от того, что мы торопим события. Если мы захотим быстрее это сделать, у нас никак это не получится, просто по физическим, по природным при-

чинам. Если японцы высадятся в Корею и перережут сухопутное сообщение с крепостью, нам придётся держаться только на том, что уже построено.- Так, хорошо, а сколько продержится? - Ну если будет достаточно боеприпасов и провиантов, то полгода продержится, если же нет, то 3 месяца, не более. Николай поморщился, - Вот так ... полгода это срок, за который мы перебросим армию по КВЖД, Транссиб ведь ещё не достроен у нас до конца.- Ваше величество, - сказал Нечаев, - КВЖД это и есть наше главное оружие на суше. Когда дорога заработает на полную мощность, мы будем перебрасывать по ней по четыре-пять эшелонов в сутки, за месяц можно будет перебросить целую армию.- А когда она заработает? - Ну, к концу тысяча девятьсот третьего года, - ответил вместо Нечаева Макаров, - по крайней мере так Хилков говорит. Если японцы нападут раньше, то не успеем.- Они нападут раньше, - уверенно сказал Нечаев, их разведка у нас совсем не дремлет. Они очень хорошо работают и знают, что мы ещё не готовы. Значит, будут бить, пока мы ещё не набрали своих сил. Наступила тишина. Император Николай нервно крутил карандаш в пальцах, адмирал тяжело вздыхал, Нечаев ждал.- Ладно, давайте исходить из худшего, - сказал наконец император. - Япония нападёт весной 1904-го года, у нас есть 2 года, не более, за это время мы должны достроить железную дорогу, закончить укрепление Порт Артура. Перевооружить армию, ну и подготовить до конца флот. Это будет реально или нет? - Реально, - кивнул Макаров, - если не будем спать.- И не будем ссориться с Англией, - добавил Нечаев.- Англия? - Император поднял бровь, - а причём же здесь у нас Англия?! - При том, ваше величество, что Лондон финансирует японское перевооружение, он полностью их перевооружает. Он вооружает их корабли, он строит им корабли, это строит всё Лондон. Англичане боятся нашего усиления на Дальнем Востоке. Потому что у них здесь неподалёку находится Индия, а это же бриллиант в английской короне. Именно поэтому они и готовы разжечь войну между нами и Японией, чтобы ослабить обе стороны. Провокация это их главное оружие.- А что с Германией? - Спросил император.- Германия поставляет им неплохую артиллерию, обучает офицеров. Кайзер хочет, чтобы мы увязли на востоке, тогда он развернётся на западе, в Европе. Ему нужна ослабленная Россия, не способная вмешиваться в европейские дела.- То есть получается мы окружены? - Так точно. Но у нас есть союзники, Франция, да, но она пассивна, Англия сейчас пока нейтральна, но нейтралитет её обходится нам дорого.- Ну так а что же вы предлагаете, если вы говорите что Англия нейтральна? - Воевать. Но воевать надо не числом, а умением, у нас есть всё для того, чтобы мы вели нормальную войну. Мы начали производить новейшее вооружение, миномёты. Пулемёты на тачанках, новые броненосцы, ведь самое главное, нам не дать японцам, чтобы они захватили инициативу в этой войне против нас.- И всё же, - император удивился, - всё-таки нападение будет? - Нет, ваше величество, мы не будем нападать. Это не про нас, но мы должны их встретить, зная где они будут на нас нападать. Мы построим такие броненосцы, которые быстрее, они больше, и артиллерия на них лучше. Плюс мы насытим армию новым вооружением, типа пулемётов и миномётов. Мы подготовим крепость Порт-Артур. Так, чтобы он стал не то, что не доступен для японцев, а он чтобы стал вообще таким, чтобы даже во сне они не могли представить, что они его могут взять. Ну а если нападут, надо отвечать им так, чтобы они запомнили на несколько веков. Стол заскрипел. Под тяжестью локтей императора.- Хорошо, - сказал Николай, - я попробую решить вопросы.- И, пожалуйста, ваше величество, не забудьте, - сказал Нечаев, - избежать войны не удастся, японцы хотят воевать, вопрос не в том, будет ли это война, вообще, а в том, когда она начнётся и на каких, на чьих условиях она будет, на наших или на ихних? - Вы в этом уверены, генерал? - Я в этом не просто уверен, а уверен так, как будто меня просто вот зовут Сергей Нечаев. Они хотят реванш, ваше величество, за тысяча восемьсот девяносто пятый год. Когда мы отняли у них Ляодун? Они мечтали о корейском плацдарме и о маньчжурском угле, а мы этой мечты их лишили. Им нужна победа, и победа нужна им любая, мы для них сейчас враг номер один. Император встал, прошёлся по кабинету, заложил руки за спину.- Хорошо, генерал, готовьте армию, готовьте флот. Я буду готовить дипломатов, всё

же, если будет начинаться война, мы должны быть ни в коем случае не одни. Нечаев с Макаровым переглянулись. Судя по всему, они решили свои проблемы. Итак, китайское наследие. Как Россия не пошла на Пекин? Николаев за Нечаев задержался после совещания, император его попросил остаться. А Макар ушёл, сославшись, сославшись на усталость. Они в кабинете остались вдвоём, монарх и его кардинал. - Генерал, - начал Николай, я хочу понять всё же одну вещь, почему вы в тысяча восемьсот девяносто девятом году посоветовали моему отцу не ввязываться в усмирение Китая? Ведь многие наши союзники сочли это трусостью. - Трусостью? - Нечаев усмехнулся, - ваше величество, Китай это громадное государство, это не то яблоко, которое можно порезать на кусочки. Это спящий дракон, не стоит его будить, мы его не готовы разбудить. - Вы это говорили моему отцу, я помню это. - И повторяю это вам, боксёрское восстание - это была самая настоящая ловушка, причём ловушка для России, просто даже если бы мы ввели войска в Маньчжурию. Для подавления этого восстания мы бы столкнулись лбами, с теми, кто уже хозяйничал в Корее, а именно с японцами. Началась бы эта война раньше времени, то есть наш флот ещё был абсолютно не готов. А так мы тихонько построили КЖД. Построили Порт-Артур. - А разве это не трусость не участвовать в такой экспедиции, когда другие страны рисковали? - Это был расчёт, ваше величество, холодный, обычный, нормальный расчёт, циничный расчёт. Я не собирался посылать русских солдат на смерть. Это были войны, там, за интересы английских купцов, германских миссионеров, вот пусть бы они разбирались со своими наркотиками, поставками наркотиков, со своим серебром, со своим чаем и со своим боксёрским восстанием. А мы тем временем готовимся к настоящей войне. - И вы не боитесь, что китайцы нас за это возненавидят? - Китайцы нас за это уважают. Мы не грабили их, мы их не убивали, мы строили дороги, порты, это даёт нам кредит доверия, мы давали им работу. Англичане, вот они нас ненавидят. Немцы нас боятся. Японцы? Нас, ну, тоже побаиваются. Вот, а китайцы нас просто уважают. Просто уважают, потому что с нами можно и нужно торговать. Император задумался. - Вы говорите как настоящий политик, генерал. - Я говорю как человек, который не хочет, чтобы его страна воевала на 2 фронта, на востоке и на западе. - Ну и что? Теперь вы предлагаете нам всё-таки дружить с Китаем? - Нет, я предлагаю использовать просто Китай, но не как союзника, для союзника он слишком слаб. А как хороший тыл. Партизанские отряды в Маньчжурии - китайский вариант, дешёвая рабочая сила, буферная зона между нами и Японией, если Китай будет нейтральным это уже половина победы, если он будет помогать нам тихо, без шума это ещё лучше. Император Николай кивнул. - Хорошо, я прикажу нашим дипломатам поработать и в этом направлении. В тот же вечер Нечаев встретился с Давыдовым, только теперь уже не в своём служебном кабинете, а в кабинете ресторации Кюба, подальше от дворцовых ушей. Генерал-майор иногда применял такие методы встреч и места. - Я нашёл одного очевидца, - сказал Давыдов, усаживаясь, - немца, который служил в международной бригаде, во время подавления восстания, он сейчас в Петербурге торгует оптикой. - Ну и что он вам рассказывает? - Он рассказывает, что европейцы творили дикие зверства при подавлении того восстания в Китае. Они сжигали деревни, расстреливали пленных, восставших. Отрубали головы - японцы, это вообще ... Это звери были. Американцы просто мародёрствовали, только русские не участвовали, и это китайцы запомнили. - Кто запомнил? - Китайцы. И не только они, англичане и немцы тоже вспоминают только другое. Что, дескать, русские струсили, они считают нас слабаками. - Ну и чёрт с ними, пусть считают, - ответил Нечаев. - А вот когда начнется большая драка, они увидят, кто трус и кто слабак. У нас под рукой минометы, которых нет ни у кого в мире. У нас пулеметы на тачанках. Это мобильные огневые точки. У нас броненосцы с новейшей артиллерией и снарядами с мощнейшей взрывчаткой, мы не слабаки, мы тигры, притаившиеся в кустах перед прыжком на оленя. - Ну японцы это увидят раньше, - заметил Давыдов. - У них, кстати, новый план высадки в Корее. Морской десант Чемульпо и сухопутный через границу с Китаем. Одновременно высадка. Откуда информация? Агент Азеф. Он, как вы знаете, работает и на эсеров, и на полицию нашу. Но через эсеров он

вышел всё-таки на японскую разведку. А вот японцы хотят использовать наших революционеров, для дестабилизации всего положения в стране, ну и Азеф, естественно, передаёт всё, что знает. Нечаев скривился. - Сволочь он, этот Азеф. Продаёт всех и все, но пока полезен, пока. Ну а что с ним делать-то потом? Когда отстреляем всю его боевую организацию, он станет не нужен. Тогда уберём тихо, чисто, без шума. Исчезнет человек, как будто его и не было. Давыдов кивнул, - я согласен абсолютно с вами. С остальными боевиками по вашему приказу, генерал. Я уже отдал распоряжение. День Азефа Вернувшись домой поздно вечером, Нечаев не мог уснуть, он сидел в своём кабинете, перебирая старые фотографии. На одной из них был запечатлён этот предатель. Ещё молодой, с аккуратной бородкой, студенческой фуражки, ну, мерзкое выражение лица у него было не стереть, называется. Вот, Нечаев смотрел на это лицо и вспоминал всё, что знал об этом дерьмовом человеке из своей прошлой жизни. Это один из самых подлых и одиозных двойных агентов у русской охранки. Он был одновременно и революционером, и мерзавцем провокатором. Он организовывал и убийства, и сдавал товарищей, и получал деньги от полиции, то есть он везде успевал урвать свой кусок. И в той реальности, которую Нечаев знал. Азеф прожил, сволочь, долгую жизнь и умер в Берлине в восемнадцатом году, так и не раскрыв никому окончательно своей двойной игры. Здесь же, в этой альтернативе, Нечаев не собирался дать ему прожить такую же долгую жизнь. - Ты слишком опасен, чтобы жить, - прошептал он, глядя на фотографию, - сначала ты должен послужить России, ну а потом уже, потом тебя ждёт мерзавец, пуля. И не от эсеров. А от нас. И никто никогда не узнает, кем ты был на самом деле, кроме меня. Да, да. Он убрал фотографию этого. Мерзавца в сейф, на душе было плохо, но другого выхода он не видел. Китайский гость На следующее утро Нечаев принял необычного визитёра. Этим визитёром оказался молодой китаец. По имени Ван Чун. Он приехал в Петербург с абсолютно секретной миссией от того, что называлось когда-то императорским двором Китая. От его остатков, вернее. Ван был одет в европейский костюм, говорил прекрасно по-французски и держался с изяществом старой аристократии. - Генерал, - начал он. - Наш китайский народ не забыл, что Россия не участвовала в разбойничьих действиях, коалиции при подавлении вашего, нашего восстания. Вы единственные из европейцев, которые не запятнали руки невинной кровью. И мы, в Китае, знаем кому из россиян обязаны этим. - Сказал он, сделав небольшой поклон головой. - Мы не святые, - ответил Нечаев, - но у нас были свои причины на это. - Причины нам не важны. Важен результат, от чего это было и как. Сейчас, когда японцы готовятся напасть на вас знайте, китайцы будут всегда на вашей стороне. - В каком смысле на нашей стороне? - А в таком, что у нас есть партизанские отряды в Маньчжурии, они готовы бить японцам в спину, причём так, что они даже не будут видеть, как к ним подходят китайцы. Мы готовы помогать русской армии проводниками, продовольствием, разведкой, чем угодно. Но Нечаев промолчал. Предложение, конечно, было соблазнительным и опасным одновременно. Если вдруг эта информация просочится, то она даст повод для Японии объявить Китаю войну, причём войну на уничтожение. - Но, извините, мы не можем воевать чужими руками, - сказал Нечаев. - Помощь китайских проводников и разведчиков примем с удовольствием, но только, разумеется, тайно. - Благодарю вас, генерал. Ван Чун поклонился. Вы настоящий друг Китая. - Я друг России, - поправил улыбнувшийся Нечаев, - а дружба с Китаем это уже следствие. Через три дня после произошедшего совещания у императора, Нечаев получил из Токио письмо от своего старого знакомого, японского дипломата, Сато Такааки. С которым они пересекались в Лондоне ещё в тысяча восемьсот девяностых годах. Сато прислал письмо, написанное по-английски, без официальных печатей. То есть частное, ну вернее почти дружеское. "Дорогой генерал, писал Сато, я пишу вам как другу, хотя наши страны, возможно, скоро станут врагами. Моё правительство приняло решение - если Россия не выведет войска из Маньчжурии и не передаст Порт Артур под международный контроль до весны тысяча девятьсот четвёртого года, Япония, возможно, объявит России войну. Это не угроза, это просто реальность, пожалуйста, сделайте всё, чтобы избежать кровопроли-

тия, мы не хотим воевать, но мы должны защищать свои интересы. С уважением к вашему превосходительству - Сато Такааки." Нечаев перечитал письмо трижды. Потом вскипятил чайник, заварил себе чаю крепкого, почти чёрного, он помнил, как в той реальности японское правительство тоже предупреждало. А в России, как всегда, плюнули на такие предупреждения, ну и потом, соответственно, были Цусима, был Порт-Артур, был Мукден. Он подошёл к карте, висевшей на стене. На ней были Токио, Пекин, Порт-Артур, Владивосток, всё это было приколото булавками, синие флажки обозначали японскую эскадру. По данным разведки, она выходила в море на учения. Да, мал золотник, да дорог. Японский флот был современнее, быстрее, лучше учился и лучше управлялся. - Сато, ты, конечно, хороший человек, - тихо сказал он в пустой комнате, - Но твоя страна выбрала войну, ну и моя страна соответственно ответит, он взял лист бумаги и написал короткий ответ. Ответ вроде бы как и был очень простой. "Сато-сан. Я получил ваше письмо. Россия не намерена отказываться от законных прав на КВЖД и Порт-Артур. Мы готовы к диалогу. Но не к ультиматумам. Если ваше правительство решит начать войну, что ж, пусть пеняет на себя. Искренне ваш, генерал Нечаев." Ответ был передан через агентуру, Нечаев знал, что после этого письма мир уже невозможен. Вечером того же дня Нечаев вызвал Давыдова и дал последние указания. Зачистку эсэров начать через неделю.-- И чтобы всё выглядело как несчастный случай или внутренние разборки. Между эсерами, никаких связей с правительством.- Понял вас, генерал.- И ещё, я хочу, чтобы перед смертью каждый из них знал, за что его убирают. Негромко, тихо, почти шёпотом, на ухо, но знал.- Зачем? Это что, месть? Или такая жестокость?- Нет, это пароль для получения путёвки в Ад. Они должны уйти с пониманием, что они мерзавцы, и Россия больше не позволит убивать своих граждан. И пусть они думают перед смертью о чём хотят.- Хорошо, - Давыдов кивнул головой, - будет сделано. Ликвидация прошла тихо. В Петербурге один за другим исчезали люди. Студент, который хранил динамит на квартире, выпал из окна. Рабочего, вербовавшего боевиков, сбил поезд на переезде, фабрикант, финансировавший эсэров, скончался от сердечного приступа прямо в кабинете за столом, Москва, Киев, Женева, Берлин - везде свои обычные смерти. Азеф, узнав о происходящем, запаниковал, он затребовал встречи с Давыдовым, он требовал гарантий.- Ну ладно, - Давыдов его успокаивал, - ты давай работай, ты нам нужен, пока. Нечаев, получив доклад о завершении операции, испытал тошноту. Он всё-таки пересёк черту, которую для себя нарисовал, он стал палачом. Пусть и для мерзавцев. Нечаев снова встречался с императором. Но в этот раз уже приватно и это было в Александровском парке. - Генерал, - спросил Николай, - глядя на заходящее солнце, - а вы уверены, что война вообще неизбежна?- Да, ваше величество, я в этом уверен. Японцы уже перешли Рубикон, да и вы не отступите, значит будет война.- И как вы думаете, когда?- Ну скорее всего в начале весны тысяча девятьсот четвёртого года, у них зимой не воюют. У них холодно и снег, а весной, когда сойдёт лёд, флот выйдет нормально в море.- Скажите, мы готовы?-- Мы будем готовы, ваше величество, настолько, насколько это возможно. Николай остановился, повернулся к Нечаеву лицом.- Скажите, а вы лично, верите в победу, генерал?- Я верю в русских солдат, ваше величество, и верю в Макарова, Кондратенко. Я верю в броненосцы и миномёты, я верю, что мы выстоим.- Нет, а вы сами, верите в себя? Нечаева усмехнулся.-- Я человек, а не народная совесть, ваше величество, я могу ошибаться. Но я постараюсь не ошибиться. Слишком высоки тут ставки.- Нет, генерал, вы наша совесть, иногда жестокая, но справедливая.- Нет, не идеализируйте меня, ваше величество, я всего лишь солдат, который однажды выстрелил в нужное время и в нужном месте. И спас империю. Не спас, подарил ей второй шанс. И они пошли дальше молча. Нечаев верил в это, потому что не верить в это было нельзя.

Глава 2

Глава вторая. Крепость и флот. Порт-Артур ждёт.

Апрель тысяча девятьсот второго года. Наш главный герой стоял на перроне Николаевского вокзала в Петербурге и наблюдал как вице-адмирал Макаров идет к поезду, следующего на Владивосток. Адмирал был в шинели, он поднял воротник от сырого ветра и курил папиросу за папиросой. Нервно встряхивая пепел на мокрой доске перрона.

- Степан Осипович, - сказал Нечаев, протягивая руку на прощание, - вы бы себя берегли на самом деле, вы ведь флоту нужны и России. Живым, а не героическим трупом. Японцы это такое, что, как говорится, не опишешь и не расскажешь. А вы? Это вы.

- Генерал, - усмехнулся Макаров крепко пожимая руку, - я уже старик. Господи, что мне уже переживать за жизнь, флот вот моя семья, корабли вот мои дети.- Зато мне есть кого терять. Вы всё-таки друг и соратник. Без вас я эту войну не выиграю, можете не сомневаться. Кондратенко тоже. Хоть он и хороший человек и хороший генерал, но без вас мы никто. Мы ещё не раз выпьем в вашем кабинете или в вашем, в Порт-Артуре ...- Ладно, договорились, - Макаров козырнул, поправил фуражку, и скакнул по-молодецки, в вагон первого класса.

Поезд тронулся, Нечаев остался один на перроне, глядя вслед удаляющим огням вагонов. Холодный ветер с залива пронизывал насквозь, и генерал решил возвращаться.- Пора возвращаться, - сказал он адъютанту, - работы не впроорот, да и замёрзли уже, как собаки здесь. Начинался новый этап большой подготовки. Пока Макаров ехал через всю Россию во Владивосток, 10 суток тряски по Транссибу это всё таки ещё тот цирк.

Нечаев безотрывно работал в своём кабинете в Петербурге. Каждое утро в 8 утра начиналось с доклада Давыдова, что сделано по линии контрразведки? Где какие угрозы, какие вести появились из-за границы, хорошие или плохие?Его агенты работали по всей Европе, в Лондоне за английскими верфями следили, где строились новые японские броненосцы, в Берлине за германскими поставками, артиллерии и прочего. В Вене за австрийскими интригами, японская разведка всё равно была очень активна. Уже были перехвачены шифровки из Токио в Петербург. Которые шли через голландских посредников. Шифр. Взломали, слава богу, нашлись специалисты в России."Русские создают новое оружие, необходимо срочно добыть чертежи." Вот как. Доложил Давыдов.- Они знают уже о наших миномётах, не все, но кое-что. Их агент в Туле засёк необычную активность на нашем заводе. Вот в закрытом цехе круглосуточно работает персонал, а что это такое? Туда заводят необычные заготовки, а для чего это? Он не смог проникнуть. Но сделал определённые выводы.- Кто агент? - Нахмурился Нечаев.-- Уже установили. Этот инженер, Карл Шварц, немец по происхождению, он принял российское подданство, работает на заводе 10 лет, имеет допуск к документации, но к секретной - не имеет.-- Взять, посадить в , Шлиссельбург?- Нет, пусть работает. Давайте будем поставлять им дезинформацию, это через третьих лиц, это будет, наверное, надёжнее и удобнее для нас и лучше для нас. Пусть японцы думают, что у нас не восемьдесят два миллиметра миномёты, а пятьдесят миллиметров мортиры.И что их дальность, не два с половиной километра, а всего навсего полтора километра, и стреляют они, просто картечью. А всё же, если он узнает правду ...- Да не узнает он ваше превосходительство, мы изолируем его от секретных цехов, переведём в другой отдел, а на его место поставим нашего человека.-- Ладно. Договорились, - Нечаев кивнул головой, - действуйте. И ещё, проверьте, пожалуйста, нет ли утечек в морском министерстве. Что японцы интересуются не только сухопутным оружием, но и кораблями, вы же об этом знаете.-- Уже работаем, ответил Давыдов. Есть подозрительный чиновник, есть. Но пока улики для него

недостаточно.- Ладно, дайте ему время, все ошибаются, он тоже ошибётся, Давыдов кивнул, и пошёл выполнять приказ и свою текущую работу. Нечаев понимал, что информационная война началась задолго до первого выстрела, и он намеревался её выиграть, каждая утечка, каждый перехваченный документ, каждый пойманный шпион, всё работало на победу, на победу над Японией, на победу России. Вечером того же дня, сидя в кабинете и перебирая донесение, он увидел свежую шифровку из Токио. Что японский генштаб утвердил всё-таки план войны с Россией. И срок нападения? Опять-таки, весна тысяча девятьсот четвёртого года. И первая цель опять-таки блокировать флот в Порт-Артуре, высадить десант в Корею, ну и перерезать КВЖД. Весна тысяча девятьсот четвёртого, пробормотал Нечаев, делая пометку, как я и думал, у нас всего 2 года, два года, чтоб подготовиться, надо успеть, чёрт побери. Он зажёл свечу. И написал план действий на ближайшие месяцы. Чтобы ускорить строительство.

Он зажёл свечу и написал план действий на ближайшие месяцы: ускорить строительство укреплений Порт-Артура, завершить вооружение армии миномётами и пулемётами Максима и Мадсена, наладить выпуск тротила и переснаряжение им снарядов и мин, провести учения флота в Жёлтом море, для отработки ведения эскадренного боя.

Список был длинным. Но там было самое необходимое.

Пулемёты на тачанках. Секретная база под Тулой

В мае 1902 года Нечаев выехал в Тулу — инкогнито, под видом обычного коммерсанта. Его сопровождали двое охранников из личной свиты и генерал-майор Давыдов, переодетый приказчиком. Цель поездки — секретная база, где испытывались миномёты проверялась эффективность установки пулемета "Максим" на тачанку.

База находилась в глухом лесу, в двадцати верстах от города, среди болот и оврагов. Туда вела только одна грунтовая дорога, перекрытая шлагбаумом и охраняемая вооружённой стражей — двумя взводами солдат из «особого назначения» - плюс патрули состоящие из казачьих разъездов. Нечаев предъявил на въезде документы - его пропустили без разговоров, ибо он был в любых списках на охраняемых объектах в России, но поинтересовались наличием оружия.

— Оставляю при себе, — сказал Нечаев, показывая кобуру с револьвером. — У меня особое разрешение, от государя - и показал дарственную гравировку.

Охранник козырнул.

Внутри базы, на расчищенной поляне, кипела работа. Пять тачанок — лёгких рессорных повозок, собранных на базе крестьянских дрог, и усиленных стальными листами — стояли в ряд. На каждой — пулемёт «Максим» на тумбовой установке, позволявшей вести круговой обстрел. Рядом суетились офицеры в полевой форме, механики, оружейники. Поодаль, за деревьями, было оборудовано стрельбище - виднелись деревянные щиты, мишени, траншеи для стрельбы лёжа.

За всем этим наблюдал невысокий, плотный мужчина с генеральскими погонами — начальник испытательного полигона генерал-майор Алексей Иванович фон дер Лауниц, старый вояка, участник русско-турецкой войны, известный своей резкостью и нелюбовью к бюрократии.

— Генерал, — сказал улыбнувшись Лауниц, протянув для рукопожатия руку, — рад вас видеть. А я думал, вы в Петербурге отсиживаетесь.

— Работой занимаюсь, — улыбнулся в ответ, пожимая с уважением протянутую руку Нечаев. — А вы что здесь, мышей ловите?

— Мышей не ловим, — усмехнулся Лауниц. — Пулемёты испытываем. Пойдёмте, покажу.

Они подошли к ближайшей тачанке. Лауниц похлопал по пулемёту, как по загривку любимого коня.

— «Максим», — сказал он. — Скорострельность — шестьсот выстрелов в минуту. Лента на двести пятьдесят патронов. Вес системы с повозкой — четыреста двадцать килограммов. Две лошади тащат легко.

— А в бою? — спросил Нечаев.

— В бою — это оружие ада. Сейчас покажем.

Лауниц отдал команду. Тачанка с кучером, пулемётчиком, и вторым номером, влекомая парой лошадей — сорвалась с места, объехала поляну, остановилась в направлении пулеметом на мишени. Пулемётчик пошевелил стволом и нажал на гашетку. Очередь — разнесла мишень в щепки.

— Хорошо, — сказал довольный Нечаев.

— Этого мало, — ответил Лауниц. — Мы добились, чтобы тачанка могла стрелять на ходу. На учениях в прошлом месяце эскадрон таких повозок уничтожил батальон пехоты — в условном бою, конечно, по мишеням стреляя.

— А японцы? У них есть что-то подобное, как вы думаете? — хитро улыбнулся Нечаев.

— Нет. У них пулемёты есть, но на станках, тяжёлые. А тачанка — это наше изобретение. Я предлагаю создать отдельные пулемётные роты — по двенадцать тачанок в каждой. Придавать их кавалерийским и пехотным частям.

Нечаев задумался.

— Сколько таких тачанок мы сможем произвести и оборудовать таким образом до начала войны? Вы разговаривали на заводе, при получении?

— Если министерство оплатит заказ загрузит завод — тысячу. Если нет — пятьсот.

— Оплатят. Я лично прослежу.

Они пошли дальше — к миномётному полигону.

Чудо-оружие. 82-мм миномёты

Миномётный полигон располагался в низине, за искусственным земляным валом. Здесь было не так шумно, как на пулемётном стрельбище, но чувствовалось напряжение: офицеры в бинокли следили за разрывами с вышки, солдаты суетились возле миномётов.

Нечаев подошел к первому миномету — гладкоствольная труба, опирающаяся на двуногий-лафет, с опорной плитой под стволом, прицелом и сектором вертикальной наводки. Оно выглядело неказисто, даже примитивно, но Нечаев знал, какая сила скрыта в этом железе.

— Миномёт образца 1901 года, — представил орудие полковник артиллерии Пётр Николаевич Шатилов, главный конструктор проекта. — Калибр 82 миллиметра. Масса в боевом положении — девяносто килограммов. В разобранном виде — тридцать килограммов: труба, плита, двунога, прицел. Боевой расчёт - три солдата.

— Дальность? — спросил Нечаев.

— Два километра двести метров. Скорострельность — до двадцати выстрелов в минуту. Мина весом три с половиной килограмма, осколочная, радиус поражения — тридцать метров.

— Вы из него стреляли?

— Испытания прошли успешно. — Шатилов достал из кармана носовой платок и вытер пот со лба. — Двести шестнадцать выстрелов без задержек. Мины летят точно, разрывы мощные. Эффект - фугасный. Главное — можно стрелять из-за укрытия, с закрытой позиции - лишь бы корректировщик был грамотный. Вражеская пулемётная точка — одна-две мины, и всё.

— Покажите.

Нечаев залез на вышку наблюдательного пункта. Шатилов отдал команду. Расчёт из трёх человек — командир, наводчик, заряжающий — разобрал миномёт, перенёс на новую позицию (всего за полторы минуты), установил, навёл. Командир поднял руку, выкрикнул:

— Огонь!

Миномёт выстрелил с глухим хлопком. Мина ушла вверх, описала крутую дугу и через несколько секунд разорвалась в двух верстах от позиции — точно в центре мишени, обведённой белым кругом. Дым, осколки, щепки.

— Ещё! — скомандовал Нечаев.

Ещё одна мина. Ещё. Скорострельность была впечатляющей — расчёт работал как автомат, без суеты, без паники.

— Хорошо, — сказал Нечаев. — Какова точность?

— Отклонение — не более двадцати метров на максимальной дальности. При накрытии цели достаточно двух-трёх мин. Противник не успевает укрыться.

— Сколько миномётов мы можем выпустить?

— Триста до конца года. Если загрузят заводы на полную мощность — до тысячи.

— Загрузят. — Нечаев повернулся к Лауницу. — Алексей Иванович, готовьте учения с боевой стрельбой. Я хочу видеть, как миномётная рота взаимодействует с пехотой и пулемётами.

— Будет сделано, генерал.

Когда испытания закончились, Нечаев собрал офицеров в штабной палатке.

— Господа, — сказал он, — то, что вы делаете, — это секрет государственной важности. Никто за пределами этого полигона не должен знать о миномётах. Ни жёны, ни любовницы, ни друзья. Японская разведка работает активно. Одно слово — и мы потеряем преимущество.

— Ваше превосходительство, верно говорят про возможную войну с Японией? — спросил молодой капитан.

— Война начнётся тогда, когда мы будем готовы. Или когда японцы решат, что они готовы. Моё дело — сделать так, чтобы они ошиблись.

— Мы готовы уже сейчас, — сказал Лауниц. — Дайте нам полк миномётов, и я разгромлю любую японскую армию.

— Полк вы получите, — Нечаев усмехнулся. — Но сначала я должен убедиться, что их умеют применять. Учения через месяц. Будьте готовы.

Офицеры разошлись. Нечаев остался с Давыдовым.

— Нужно усилить охрану полигона, — сказал он. — И проверить всех, кто работает с миномётами. Среди офицеров могут быть шпионы.

— Уже делаю, — ответил Давыдов. — Один есть подозрение. Капитан Мирзоян, командир миномётной батареи. Армянин, недавно вернулся из Европы, вёл там странные разговоры.

— Приглядите. Если подтвердится — убрать без шума.

Давыдов кивнул.

По возвращению в Петербург, в начале июня, Нечаев первым делом отправился в лабораторию, где работал Менделеев. Учёный работал в небольшом флигеле при Санкт-Петербургском университете, где ему выделили несколько помещений для секретных исследований. Дмитрий Иванович встретил его в засаленном лабораторном халате, с обычной для него улыбкой.-- Здравия желаю, господин генерал, - воскликнул улыбаясь он.-- Здравствуйте, здравствуйте, - ответил Нечаев. - Давайте показывайте, что у вас тут творится.-- А вот что у меня тут творится, посмотрите.И подвёл его к столу, на котором стояли. Обычные лабораторные химические колбы с жёлтыми кристаллами и порошками.-- Вот это чудо, смотрите. Это чудо называется тринитротолуол, просто так случайно его взорвать, типа как взрывается динамит, простым ударом, трением, огнём - невозможно. И кроме всего прочего, больше всего что мне в нём нравится, он в полтора раза мощнее пироксилина, и в 2 раза чёрного пороха.-- Вы это

проверяли на практике? - Спросил он Нечаев.-- Конечно, проверял. Он абсолютно безопасен при работе с ним. Но если с ним неаккуратно работать, если демонстративно плевать на меры безопасности, он может быть очень опасен.-- Так, отлично. Сколько вы можете произвести его до конца года?-- Ну, если заводы, которые мне нужны для его производства перепрофилируют, то с тысячу пудов, я думаю, смогу сделать, если нет, то, извините, будет мизер.-- Хорошо, будут вам заводы, я уже распорядился насчёт Охтинского завода на выпуск вашего изобретения.-- И ещё, пожалуйста, - Менделеев прищурился, глядя на него. - Генерал, вы мне пообещали, что эта взрывчатка пойдёт только на оборону, а не на завоевание и на убийство.

— Обещаю, Дмитрий Иванович. Я солдат, а не завоеватель.

— Ладно. Верю.

Нечаев распрощался и вышел. Снаружи, под лучами июньского солнца, он почувствовал облегчение.

В июле тысяча девятьсот второго года Нечаев отправился на Дальний Восток, в Порт Артур. Жена Мария его пыталась отговорить от этой поездки.--- Серёжа, ну тебе же 50 лет, у тебя плечо болит, сердце пошаливает, а ты таскаешься по всей России в тряских вагонах.-- Надо, - ответил он. - Я должен увидеть Кондратенко, сам должен увидеть, что там происходит, доклад - это одно, а живой взгляд - это абсолютно другое.-- Ты как будто на войну собрался.-- Ну конечно, это и есть война, но только пока ещё без выстрелов, но, увы, скоро они должны прозвучать. Поезд шёл из Петербурга 11 суток. Нечаев ехал в отдельном купе, читал, писал, думал. За окнами проплывали леса, поля, города Пермь, Тюмень, Омск, Томск, Красноярск. ТрансСиб был ещё не достроен. Через некоторые участки шли обходные пути, паровозы заправляли дровами, а не углём, как в Центральной России. Наконец, на двадцатый день Нечаев увидел Порт Артур. 20 дней пути были позади. Город поражал контрастами. Европейские дома с черепичными крышами соседствовали с китайскими фанзами, русские офицеры в белых кителях прогуливались по набережной, рядом с ними семенили китайцы-носильщики в синих халатах, в гавани стояли наши корабли - громадные броненосцы, хищные крейсера, маленькие и юркие миноносцы. А над городом величественно возвышались сопки.

Кондратенко приветствовал гостя на перроне, коротко с уважением пожал руку.-- Долго же вы добирались, генерал, как дорога?-- Нормально, дорога дальняя, Роман Иосифович, но я должен всё равно увидеть всё своими глазами. Поэтому - лучше сразу к делу.-- Что ж, пойдёмте, покажу. Нечаев сел в коляску рядом с Кондратенко, и они поехали по городу.-- У вас здесь как в муравейнике, - заметил Нечаев, показывая на строителей, таскавших мешки с цементом и куски арматуры.-- Да, 20 тысяч человек я поставил на работы, работают они круглосуточно. Китайцы, русские, корейцы, в общем, весь Порт-Артур. Всё мужское население. Бетона залили уже тысяч на 100 кубов, построили 3 форта, 6 береговых батарей, но до конца всё равно всё ещё далеко.-- А чего больше всего не хватает?-- А всего. Артиллерии крупнокалиберной дальнобойной, снарядов, пулемётов, колючей проволоки. Но главное не хватает нам времени, если, как вы говорите, японцы нападут завтра, мы продержимся месяца три четыре. Если дадут нам ещё год, даст Бог, всё будет завершено.-- У нас есть 2 года.-- Дай Бог, дай Бог. Они вышли из коляски на горе Высокой - это самая высокая точка Порт-Артура. С неё открывался вид на весь город, на всю гавань, на море. Нечаев стоял, смотрел и размышлял: вот здесь на этой горе, в его прошлой реальности, японцы поставят дальнобойные осадные орудия и будут методически уничтожать русский флот. И русскую крепость. Здесь же погибнет Кондратенко, разорванный снарядом. И после этого падёт Порт-Артур...----- Генерал, - сказал Кондратенко, перехватив его взгляд, - вы смотрите так, как будто видите призраков.-- Да, вижу, - ответил Николаев. - Призраков будущего, которого мы не должны допустить.-- Расскажите мне?-- Извините, нет. Но поверьте, если мы не удержим эту гору, то Порт-Артур падёт, поэтому сделайте её, пожалуйста,

неприступной. Кондратенко кивнул.-- Уже делаю, там, внизу, закладываем бетонные укрепления. 2 яруса нижний для гарнизона, верхний для дальнобойной артиллерии, плюс пулемётные гнёзда на флангах.-- А связь, что у вас со связью с городом?-- Связь у нас прямой телефонный кабель, дублированный проводом по другому склону, ну если и этот перебыют, то голубиная почта, ну что ж, теперь не в первой. Нечаев усмехнулся, голубиная почта это хитрость, достойная древних, на условиях осады, когда телеграф и телефон выходят из строя, птицы всегда выручали.-- Голубей заводите побольше, - посоветовал Нечаев, они не бомбы, но пользу могут принести.-- Уже есть, почта в городе голубиная, две сотни птиц, тренируем. Они спустились в город. Там Кондратенко показал арсенал, где штабелями лежали здоровенные снаряды, их было много. Но Нечаев, зная по первой реальности обороны Порт-Артура, что этих запасов хватит всего лишь на полгода, попросил показать ещё склады, если имеются.-- А что там? - Спросил Нечаев, указывая на железные двери под бетонным сводом.-- О, там особый склад, - тихо сказал Кондратенко, - там мины для миномётов. И тротил, который прислали по вашему распоряжению, но мы его бережём как зеницу ока, так что не переживайте.-- И сколько там?-- Ну пока тысяча мин, ещё пять тысяч по железной дороге везут, уже сообщили. Нечаев кивнул.-- Ну, этого мало, конечно, сказал он.-----

Кондратенко прищурился: - А вы верите сами, что миномёты эти помогут?-- Да, я видел, что они могут в других войнах, - ответил Нечаев, - только, пожалуйста, не спрашивайте в каких, просто поверьте мне. Это орудие для уничтожения живой силы в окопах, в укрытиях, за стенами, японцы не готовы к такому. У них нет ни миномётов, ни защиты от них, это для них будет сюрприз, очень большой сюрприз и неприятный.-- А обучение? - Спросил Кондратенко - Мои солдаты не умеют стрелять из этих труб.-- Научите. У вас есть время до весны тысяча девятьсот четвёртого года. - Нечаев помолчал. - Там ничего сложного нет, у вас целых два года. Но каждый день на счету. Кондратенко не ответил, он смотрел на море, где показались на горизонте дымы, наверное, опять японские разведчики.-- Генерал, - сказал он, - если японцы нападут, я не сдам крепость, хоть год, хоть два, но я должен знать, флот придёт на помощь или бросит нас?-- Флот придёт - твёрдо сказал Нечаев, - Макаров не бросит. Я не брошу, и император не бросит. Но если японцы заблокируют порт Артур с моря, прорываться к вам будет трудно, поэтому вы должны держаться до тех пор, пока мы не подтянем сухопутную армию. А это время. Хотя бы полгода.-- Полгода продержимся, - твёрдо сказал Кондратенко, - а дальше, как бог даст. Они обменялись рукопожатием. Макаров и флот.

На следующий день Нечаев встретился с адмиралом Макаровым на борту флагманского броненосца «Петропавловск». Корабль был новым, построенным в 1899 году.

Макаров провёл гостя по кораблю — показал орудийные башни, котельное отделение, рубку, радиорубку.

— Вот, — сказал адмирал, хлопая с гордостью ладонью по броне башни главного калибра, — двенадцатидюймовки. Дальность стрельбы — пятнадцать километров. Вес снаряда — триста тридцать килограммов. Броня — сорок сантиметров. У нас скорострельность — два выстрела в минуту против полутора у Того.

Нечаев прошёл в кают-компанию, где уже был накрыт стол - Макаров пригласил отобедать.

— Степан Осипович, — начал Нечаев, отрезая кусок мяса, — вы верите, что русский флот может разгромить японский в открытом бою?

— Может, — твёрдо ответил Макаров. — Если мы встретим их вместе, а не поодиночке. Если не будем сидеть в гавани, как мыши в норе. Если будем атаковать.

— А вы будете атаковать?

— Не сомневайтесь в этом. Я — не трус.

— В этом я не сомневаюсь. Но осторожность все же не помешает.

— Нормальный бой - это когда трижды проверил, прежде чем пойти. А потом пошёл и победил.

— У меня есть секретная информация, — сказал Нечаев. — Японцы планируют напасть на Порт-Артур в ночь на 27-го января 1904 года. Внезапной торпедной атакой по кораблям, стоящим на внешнем рейде.

— Откуда известно? — Макаров нахмурился.

— Агентура. Источник надёжный.

— Тогда мы встретим их. Выйдем в море до их подхода. И дадим бой.

— Вы успеете выйти?

— Уверен в этом. У нас есть дозорные миноносцы. Постоянный дозор. Как только заметят врага — я выведу эскадру.

Нечаев знал, что в его реальности, 27 февраля 1904 года, японцы атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура, пока флот спал. Здесь будет иначе, он уверен.

Последние переговоры с Японией.

В августе 1902 года в Петербург прибыл японский дипломат — барон Комура . Он попросил аудиенции у императора, мотивируя это «желанием говорить о мире на Дальнем Востоке».

Николай II принял его в Царском Селе. Присутствовали министр иностранных дел граф Ламсдорф, военный министр Куропаткин и Нечаев.

Комура был невысок, сух, с цепким взглядом и идеально выбритым лицом.

— Ваше величество, — начал он, — Япония не хочет войны. Мы хотим мира и процветания в Азии. Но мы должны защищать свои интересы, как и Россия.

— Какие интересы там у Японии? — спросил император.

— Корея. Это наша сфера влияния. Мы готовы признать ваши права в Маньчжурии, если вы признаете наши права в Корее.

— А Порт-Артур и Дальний? — спросил Нечаев.

— Порт-Артур должен быть нейтральным. Любые японские корабли должны иметь право заходить в порт наравне с русскими.

— Это невозможно, — жёстко ответил Нечаев. — Порт-Артур — военная база России. Мы её строили, мы её защищаем. Мы же не просим допуска наших военных кораблей в ваши военно-морские базы.

— Тогда, — Комура сделал паузу, — Япония не может гарантировать мир.

В комнате повисла тишина.

— Барон, — сказал Николай, — мы тоже не хотим войны. Но ... Мы уже уступили вам Корею. Этого мало?

— Извините, но просто этого недостаточно, ваше величество.

— Нас не стоит запугивать, — влез Куропаткин.

Комура поклонился:

— Я передам ваш ответ моему правительству. Благодарю за аудиенцию. - Поклонившись еще раз, он вышел.

Император повернулся к Нечаеву:

— Ну, что думаете?

— Это война, ваше величество. Мы к ней уже готовимся.

31 декабря 1902 года. Нечаев сидел в кресле в своём доме, в Царском Селе. На столе — кутья, пироги, соленья. Марья возилась у печи, дети — Александр и Михаил — уже не бегали как раньше вокруг ёлки, а стояли у окна, наблюдая за фейерверками. Александру было семнадцать, он заканчивал гимназию и рвался в военное училище. Михаилу — тринадцать, он рос тихим и задумчивым.

— Папа, — спросил Александр, — а правду говорят что война с Японией будет?

— Не в этом году, но возможно будет.

— А ты пойдёшь воевать?

— Если император прикажет — пойду. Я солдат.

Марья, услышав разговор, вышла из-за печки.

— Твоё дело руководить, - сколько тебе лет, помнишь?

— Я не старый, не наговаривай на меня — усмехнулся Нечаев.

Она вздохнула. Спорить с ним в таких вопросах было бесполезно, она это знала.

В двенадцать ночи грянул салют. Нечаев поднял бокал:

— За мир. Или за победу, если мира не будет.

Шампанское было выпито. Год 1902 закончился.

Глава 3

Глава 3. Час, который не пробил

Санкт-Петербург, Зимний дворец, кабинет Нечаева. 27 января 1904 года, 00:30 ночи.

За окнами спал имперский Петербург. Невский утопал в сизом снежном мареве, фонари горели тускло — экономия угля, война всё-таки. Нечаев сидел в кресле, развернув его к карте на столе, но смотрел сквозь неё. Пепельница была полна. Пальцы машинально мяли край мундира.

— Генерал, — тихо позвал Давыдов из дверей, — половина первого. Прикажете подать кофе?

— Не надо, — голос Нечаева сел. — Что с Порт-Артуром?

— Тишина, ваше превосходительство. Телеграф молчит - опечатан по приказу Макарова. Последнее сообщение в семь вечера по нашему времени: «Всё спокойно.»

Нечаев усмехнулся.

— Давыдов, вы знаете адмирала Того?

— Только по рапортам, генерал.

— Он не любит действовать в лоб, — Нечаев встал, подошёл к карте Дальнего Востока, провёл пальцем от Цусимы до Токио. — Сейчас уже половина седьмого утра в Порт-Артуре. Уже рассвело. Или ещё нет? Идеальное время для атаки. За час до рассвета. Это когда усталый сигнальщик смотрит на восток и видит уже серое, а на западе — ещё ночь.

Он резко обернулся.

— Телеграфируйте во Владивосток. Пусть подтвердят связь с Порт-Артуром.

— Без приказа...

— Телеграфируйте чёрт возьми! — Нечаев ударил ладонью по столу.

Давыдов вышел, через минуту вернулся с видом человека, который держит в руках огромную, но ещё не "тикающую" бомбу.

— Генерал... Владивосток отвечает: радиосвязи с Порт-Артуром нет с трёх часов утра по местному времени. Тихо. Полная тишина.

Нечаев закрыл глаза. В ушах вдруг застучали маленькие игрушечные молоточки, такие как он видел в детстве, внутри подаренной ему на Новый Год музыкальной шкатулки, еще в "той" жизни. Стучали мелодично, отчетливо - напоминая о том что сейчас где-то очень далеко решается судьба десятков тысяч русских людей.

— Пусть же не все спят, — прошептал он, как заклинание. — Ради бога, Степан Осипович ...

Порт-Артур, Внутренний бассейн гавани. Флагманский броненосец «Петропавловск». 27 января 1904 года, 05:45 по местному. За час до предполагаемой японской атаки.

— Ваше превосходительство, — капитан 1-го ранга Николай Матеевич Яковлев, командир броненосца, постучал в дверь адмиральской каюты, — всё готово. Эскадра затемнена, миноносцы в дозоре, на Ляотешане включили только нижние прожекторы.

Дверь открылась. Степан Осипович Макаров был уже одет. По полной форме. Он, похоже, не спал. Он вообще плохо спал с того самого дня, как получил телеграмму из Петербурга: «Война неизбежна. Примите эскадру у Старка. Действуйте по обстановке. Помните всё!!!».

— Миноносцы патрулируют, Николай Матеевич?

— Так точно, ваше превосходительство. «Боевой», «Грозовой», «Внимательный», «Выносливый» и остальные — все на внешнем рейде. И ещё четыре контрминоносца непосредственно у входа в бухту.

Макаров кивнул и вышел на мостик. Ночь в Порт-Артуре была холодная, но безветренная. Вода в бухте стояла чёрной маслянистой гладью, в которой отражаясь, гасли слабые звёзды. Броненосцы — «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь», «Пересвет», «Победа», «Ретвизан», «Цесаревич» — стояли привычным порядком. Только сегодня они стояли не так, как две недели назад при Старке.

Тогда у каждого корабля горели огни, команды спали внизу, дозорные клевали носом, а прожекторы били в небо, как на параде.

Сегодня прожекторы двух фортов и трёх миноносцев шарили низко, над самой водой, ослепительными полосами перечёркивая тёмную поверхность. Адмирал сам настоял на этом.

— Японская торпеда, Николай Матеевич, — сказал он вчера на совете флагманов Яковлеву, — идёт на глубине трёх футов. Её силуэт и пенистый след от движения - отчетливо видно в прожекторе за двести-триста саженей. Если мы не будем слепить своих или глядеть в небо, а будем глядеть под воду — мы её увидим. И успеем предпринять нужные меры.

Тогда капитан «Цесаревича» позволил себе усомниться:

— Ваше превосходительство, ночевал ли какой-нибудь флот в истории в боевой готовности прямо в базе?

Макаров глянул на него пронзительно, видимо, вспомнив что-то своё — то ли Синоп, то ли падение Плевны, то ли собственное тридцатилетнее хождение под парусами и винтами.

— Господин капитан, — ответил он негромко, под оглушительный стук тарелок в адмиральской столовой, — эта война будет такой, каких ещё не знала история. Хватит с нас несвоевременных сравнений.

Он вышел на самый край мостика. Было ровно без пяти шесть.

И тут — справа, со стороны внешнего рейда — небо полоснуло разрывом. Один. Потом ещё. Потом треск пулемёта, прерванный взрывом, который даже отсюда, из бассейна, показался страшным — тяжёлым, влажным взрывом котла или погреба.

— Дозорные миноносцы ведут бой! — крикнул наблюдатель.

Макаров не побежал. Он спокойно, почти лениво повернулся к адъютанту и сказал то, чему учили знать наизусть каждого матроса на эскадре - где его место и каковы действия он должен совершать после такого приказа:

— Боевая тревога. Всем кораблям развести пары. Сетевые противоторпедные заграждения — поднять. Прожекторы — полный свет. По японским миноносцам — орудийная стрельба с момента обнаружения. Из всех орудий. Война с Японией началась. Да поможет нам Бог! - и, сняв адмиральскую фуражку, перекрестился.

Сигнальщики засвистели в дудки, заиграли горнисты, ударили колокола громкого боя. «Петропавловск» вздрогнул, оживая: застучали котлы, забегали по палубе матросы, сбрасывая чехлы с орудий - каждый знал свое место и свои действия.

И на внешнем рейде, в пяти милях от входа, японские миноносцы 1-го отряда вдруг стали видимыми как горшок на пустом, покрытом белой скатертью, столе.

По первоначальному плану адмирала Того, в 6:10 они должны были набрав максимальную скорость, подлететь к стоявшим на внешнем рейде броненосцам, выпустить торпеды по «Цесаревичу» и «Ретвизану» и, воспользовавшись поднявшейся паникой - уйти в море, навстречу приближавшейся эскадре.

Вместо расхлябанной службы наблюдения на броненосцах - их встретили в 6:03, за семь минут до расчётного времени, прожекторы миноносца «Боевой» и следом — прожекторы форта №2.

Японский миноносец «Сиротай» оказался в двойном перекрестье прожекторов. Его командир, лейтенант Сибаяма, успел скомандовать торпедный залп наугад, в сторону порта. Обе торпеды ушли "в никуда". Через минуту «Сиротай» получил попадание 47-мм снарядом в рубку и начал отворачивать, оставляя за собой маслянистый бурн.

В штабе адмирала Того на крейсере «Идзумо» шифровальщик через минуту передал донесение с «Сиротая»:

«Эскадра противника обнаружена в полной готовности. Прожекторы. Дозорные миноносцы. Обстрел со всех береговых батарей. Результативная минная атака невозможна».

Того, грамотный адмирал, прочитал эту депешу, потом посмотрел на карту, потом — в иллюминатор, на серое, быстро светлеющее небо.

— Отставить удар миноносцами, — сказал он негромко. — Миноносцам — отход. Эскадре — приготовиться к артиллерийскому бою с броненосцами Пор-Артура. Это будет господа бой двух эскадр.

Через сорок минут, в 6:47 утра по местному времени, Макаров поднял сигнал на грот-мачте «Петропавловска»:

«Эскадре — следовать за мной. Выход в море. Полная боевая готовность».

А в Санкт-Петербурге, в кабинете Зимнего дворца, Нечаев сжимал в руке телеграфный листок, который Давыдов принёс - данные, в зашифрованном виде отправляли его служащие при любом, даже малейшем изменении ситуации - мгновенно.

На листке было четыре слова:

«Порт-Артур. Атака миноносцев отражена без потерь. Макаров вышел в море».

Нечаев медленно сел на стул. Потом встал. Потом подошёл к окну, где уже ничего не было видно, кроме собственного отражения — бледного, с воспалёнными от бессонницы глазами.

— Давыдов, — сказал он охрипшим голосом, — знаете, что я сейчас сделаю?

— Никак нет, ваше превосходительство.

— Я выпью эту вашу чертову валериану.

Он взял чашку, сделал глоток, поморщился, допил — и впервые за последние сутки улыбнулся.

Война только начиналась. Но этой ночью она изменила свой маршрут. Час броненосцев наступил. Порт-Артур, внешний рейд. 27 января 1904 года. Макаров стоял в боевой рубке «Петропавловска». Он не отрывал взгляд от горизонта. Там, вдали, уже виднелись дымы приближавшейся японской эскадры. Того решил принять бой. — Дистанция шестьдесят кабельтовых, ваше превосходительство, — докладывал старший штурман. — Семь броненосцев, восемь крейсеров. Того держит флаг на «Микасе». - доклад шел постоянно. Макаров ответил не сразу. Он смотрел в бинокль, шевелил губами, будто что-то считал про себя или читал молитву. Потом произнёс то, что определило течение всего этого боя: — Сигнал по эскадре: идём на сближение. Огонь открывать по команде. Готовность открытию огня - с сорока пяти кабельтовых. Первая и главная цель - флагман японской эскадры. На «Микасе» адмирал Того наблюдал за приближением русской эскадры с растущим беспокойством. Он ожидал, что Макаров укроется под защитой береговых батарей. Тут же все начинало происходить совсем не так как он планировал. — Господин адмирал, разрешите открыть огонь? — Ждать, — коротко бросил Того. — Пусть подойдут ближе. Сорок кабельтовых — наш рубеж открытия огня. Но Макаров не дал дойти до сорока. На сорока пяти он приказал повернуть на левый борт и получить возможность бить из основной части орудий главного калибра по головным кораблям японской колонны. — Открыть огонь! — скомандовал он в 07:28. «Петропавловск» вздрогнул всем корпусом. Двенадцатидюймовки выплюнули полутонные снаряды — за ним мгновенно дали залп остальные броненосцы. Залп семи русских броненосцев обрушился на головной броненосец - «Микасу». Того не дрогнул. Он ждал своего момента. И когда первое накрытие — перелёт, перелёт, падение у самой скулы «Микасы» — показало, что русские пристрелялись, он отдал короткий приказ: — Огонь. Японские броненосцы ответили. --- Первые полчаса боя никто не мог проявить меткость. Снаряды ложились с большим разбросом. На «Петропавловске»

осколком убило сигнальщика. Макаров нервно кусал губы.— Николай Матвеевич, — позвал он капитана 1-го ранга Яковлева, командира броненосца, не оборачиваясь, — что с нашей артиллерией? Почему нет накрытий?— Корректировщикам мешает дым, ваше превосходительство. И вот наконец в 08:15 случилось то, чего так боялся Того. Двенадцатидюймовый снаряд с «Цесаревича» — а может быть, с «Пересвета», историки потом спорили до хрипоты — пробил броневой пояс «Микасы» и взорвался прямо над румпельным отделением. «Микаса» вздрогнул и начал медленный, едва заметный разворот вправо — рулевое управление заклинило на половинном ходе. Того, даже не повысив голоса, приказал перейти на ручное управление. Команду вымуштрованные японские матросы кинулись выполнять мгновенно. Но бой есть бой. Все те минуты, пока матросы вручную перекладывали румпель, «Микаса» шел прямо на русскую эскадру, подставляясь под продольный огонь всех броненосцев. Макаров увидел это и отреагировал на такой подарок судьбы мгновенно.— Всем броненосцам — перенести огонь по «Микасе»! Корректировка по всплескам. Полный залп. Огонь без команды! Семь броненосцев дали залп. Шестьсот пудов чугуна и стали обрушились на японский флагман. «Микасу» накрыло четырьмя попаданиями. Два — в носовую башню, одно — в мостик, последнее — под ватерлинию. На «Микасе» возник пожар. В пробоины, с радостным ожесточением, хлынула океанская вода. Того приказал «Фудзи» и «Асахи» прикрыть, пытающийся развернуться флагман, дымовой завесой. Сам же, глянув в бинокль на адмиральский флаг «Петропавловска», сказал только одну фразу, ставшую исторической:— Макаров, к нашему сожалению, не Старк. Мы ошиблись в дате начала войны. Приказ по эскадре: - уход с разворотом. Окончание боя. Курс - на Элиоты. На ремонт. В 08:40 японская эскадра начала отход. Не бегство — медленный, организованный отход, огрызаясь огнем из всех возможных орудий. Макаров запретил преследование — с береговых батарей рапортовали о появлении неизвестных миноносцев с востока. Адмирал не хотел рисковать.— Полный список потерь ко мне через час, — приказал он, спускаясь с мостика. — И поздравить команды. Сегодня мы сделали то, что не удавалось русскому флоту со времён Ушакова. Но это только начало.---Санкт-Петербург, Зимний дворец. 27 января 1904 года, 22:00 по столичному времени. Нечаев уже не сидел. Он ходил по кабинету из угла в угол, как тигр по клетке, раз за разом, повторно, перечитывая телеграммы. Первая пришла в восемь вечера: «Бой выигран. Японцы отходят. Повреждения у „Пересвета“. Не критичные. „Микаса“ горит. Преследование запретил.» Вторая, через час: «Наши потери: 89 убитых, 212 раненых. Основное - у японцев - адмирал Того тяжело ранен, сильные повреждения у "Микасы"».— Тяжело ранен? — переспросил Нечаев у Давыдова. — Проверено?— Так точно, ваше превосходительство. Наш военно-морской аташе в Токио перехватил их внутреннюю депешу. «Микаса» вышла из строя минимум на два месяца. Нечаев остановился у карты. Он провёл пальцем от Порт-Артура до Цусимы.— Давыдов, — сказал он тихо, — сегодня изменилось всё. Того ранен. Враг - без флагмана. Японцы не смогут блокировать Порт-Артур в ближайшие недели. А это значит — мы успеваем подвести подкрепления. И сможем нарушить их коммуникации - высадка японских войск в Корею, при активном противодействии нашей эскадры, будет крайне затруднительна.— Срочно перегоняем вторую Тихоокеанскую эскадру с Балтики, генерал?— Нет, — Нечаев покачал головой. — Шифровку Макарову - решить вопрос с немедленным переходом отряда крейсеров Владивостока на Порт-Артур. Пока японцы заливают раны, мы должны задавить их числом. Перекрыть все возможные пути высадки сухопутных частей. Война, Давыдов, это не только пушки. Это еще и логистика, влияющая с помощью снабжения и подвоза подкреплений, на итоги битвы. И сегодня мы выиграли не один бой. Мы выиграли минимум три месяца. Он подошёл к окну. Петербург еще не зная, что этой ночью русский флот впервые за полвека нанёс поражение равному противнику в открытом море.— Валериану отставить, Давыдов, — сказал улыбнувшись Нечаев, не оборачиваясь. — Пожалуй, лучше коньяку. Не каждый день такое случается. Адмирал Того, крейсер «Идзумо», Жёлтое море. 27 января 1904 года, 17:20 по местному. Того лежал в лазарете с раной в плече

и контузией. Глаза были открыты, взгляд — прозрачный, трезвый, отсутствующий.— Передайте в Токио, в морской штаб — сказал он адъютанту сквозь зубы, — операция не удалась. Русские нас ожидали. Почему так произошло? Пусть ищут утечку секретных сведений. Порт-Артур не атакован - произошло сражение двух флотов было в открытом море, на подходе к порту. Эскадра Макарова сохранила полную боеспособность. Я рекомендую изменить план войны. С блокировкой возможных утечек сверхсекретных сведений. Без блокады Порт-Артура мы не можем высадить армию в Корею. А она, блокада, при отсутствии серьезных повреждений у русских кораблей первой линии - невозможна.— Господин адмирал, а каковы будут дальнейшие приказы по эскадре? Того закрыл глаза. На несколько секунд в лазарете воцарилась тишина, нарушаемая только скрипом переборок.— Эскадре - идти на базу, на острова Элиота.— ответил Того. — Устранять полученные повреждения на кораблях и готовиться. Эта война будет долгой. И мы обязаны её выиграть. Но сегодня не наш день. Я буду молить богиню Амотэрасу о даровании победы её сынам. Он пошевелился на медицинском топчане и снова замер, глядя сквозь полуприкрытые глаза в низкий потолок. Штабные офицеры переглянулись. Своего адмирала таким они видели впервые. Война только началась.

Глава 4

Глава четвёртая

Война на суше и на море. Весна-лето 1904 года

Февраль 1904 года. В Петербурге праздновали первую победу. Газеты выходили с шапками «Разгром японского флота!», «Макаров — гений!», «Того убит?». Последнее было преувеличением — адмирал Того Хэйхатио уцелел, но его флот понёс чувствительные потери: один броненосец («Ясима») затонул при возвращении в порт, два крейсера («Идзумо» и «Токива») получили тяжёлые повреждения, девять миноносцев были потоплены. Император принимал военных и гражданских, раздавал награды, улыбался. Казалось, война будет короткой и победоносной.

Но Нечаев знал — это обманчивое ощущение.

Он сидел в своём кабинете в Зимнем дворце и читал сводку с Дальнего Востока, только что полученную и расшифрованную. Победа на море была важна, но она не решала главного: японская армия уже перебрасывалась через Корейский пролив. Три армии — Первая генерала Куроки, Вторая генерала Оку, Четвёртая генерала Нодзу — высаживались на материке и готовили наступление на Маньчжурию.

А русская армия была не готова. И перехватить десантирование вражеских войск не успели - слишком большое количество транспортных судов, круглосуточно, двигалось из Японии.

Запущенный Транссиб работал на пределе, но его мощности не хватало для переброски достаточного количества войск. Да еще Куропаткин, командующий Маньчжурской армией (поставленный как и в прошлой истории, невзирая на возражения Нечаева), сидел в Ляояне и готовил оборону, но не наступление. Восточный отряд генерал-лейтенанта Михаила Ивановича Засулича — около двадцати тысяч человек — прикрывал границу с Кореей по реке Ялу.

Нечаев знал по своей прошлой реальности, что бой на Ялу 1 мая 1904 года закончится поражением. Засулич — герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов, но человек старый, нерешительный, и не понимающий новой тактики. Он растянет войска по фронту, забудет про резервы, и не организует разведку. Японцы обойдут его с фланга, и Восточный отряд отступит, бросив противнику орудия и пулемёты.

Но здесь, в этой реальности, был шанс всё изменить. Нечаев уже отправил Засуличу подробную инструкцию с грифом «Совершенно секретно», составленную на основе его воспоминаний о той, другой войне: «Не растягивать фронт. Создать мощный кулак в центре и на правом фланге. Организовать разведку на левом берегу Ялу. Установить пулемёты на скрытых позициях, фланги - это для пулемета "самое вкусное". Миномёты — за обратными скатами высот. Они - убийство вражеской атакующей армии. При отходе — уничтожать переправы».

Засулич, получив эту инструкцию, поначалу возмутился — какой-то генерал из Петербурга учит его воевать! Но потом, поразмыслив, кстати - под давлением Куропаткина, согласился выполнить большую часть рекомендаций. Не всё, но многое.

— Давыдов, — сказал Нечаев, откладывая трижды прочтенную вдумчиво сводку, — что слышно от ваших людей из Токио?

Давыдов, сидевший в кресле у окна с неизменной папиросой, подался вперед:

— Японцы готовят высадку Второй армии генерала Оку на Ляодунском полуострове, в районе Бицзыво. Если им удастся перерезать КВЖД, мы потеряем связь с Порт-Артуром. Ориентировочно — конец апреля — начало мая.

— А Кондратенко? Он знает? Вы ему сообщили уже?

— Ему передали. Он готовит крепость к осаде.

— Осада начнется не раньше мая, — сказал Нечаев, не столько Давыдову, сколько себе. — У нас есть немного времени. Нужно укрепить гарнизон, подвезти снаряды, усилить артиллерию. Не повторить ошибок прошлого. Как там Засулич?

— Засулич, по последним донесениям, укрепил правый фланг. Пулеметы установлены на высотах, минометы — за обратными скатами. Правда, артиллерии всё равно мало — всего восемьдесят орудий против японских ста восьмидесяти.

— Восемьдесят против ста восьмидесяти — это плохо. Но если пулеметы и минометы сработают как надо, мы можем выиграть время.

— А что планирует Куропаткин после Ялу?

— После Ялу — будет отступление к Ляояну. Лично я - не сомневаюсь. И убедить в чем-то государя - невозможно. Куропаткин для него - авторитет, увы ... он там сосредоточивал основные силы. Японцы будут наступать вдоль железной дороги. Наша задача — не дать им взять Порт-Артур с ходу и соединиться с армией Оку.

— А если японцы пойдут в обход?

— Тогда мы будем отступать дальше. К Мукдену. И дальше — к Харбину. Пока не подойдут подкрепления из России. - И себе под нос, - Уж больно медленно они идут...

Давыдов затаился, выпустил дым в потолок:

— Долгая война, генерал.

— Долгая, — согласился Нечаев. — Но не бесконечная. И мы её выиграем.

Порт-Артур. Макаров и Кондратенко. Начало осады

В Порт-Артуре адмирал Макаров и генерал Кондратенко готовили крепость и порт к обороне. Город на Ляодунском полуострове, арендованный у Китая в 1898 году, за шесть лет превратился в мощную военно-морскую базу. Доки, мастерские, склады, казармы, госпитали. И — самое главное — мощные, забетонированные береговые батареи на господствующих высотах.

Макаров проводил каждое утро на флагманском броненосце «Петропавловск» (командир — капитан 1-го ранга Николай Матвеевич Яковлев 1-й) и на миноносцах, проверяя готовность. Эскадра не стояла в гавани без дела — корабли выходили в море для обстрела японских позиций на побережье и разведки.

Кондратенко, в свою очередь, заканчивал объезд фортов. С ним — начальник артиллерии полковник Владимир Фёдорович Ирман, несколько офицеров, адъютант с картой. Укрепления Порт-Артура были готовы на восемьдесят процентов — лучше, чем в прошлой реальности. Бетонные форты, бетонные же капониры, пулемётные гнёзда, колючая проволока, минные поля.

— Вот здесь, Роман Исидорович, — говорил Ирман, водя указкой по карте, — японцы попытаются прорваться. Гора Высокая — ключ к городу. Кто владеет этой горой, тот владеет Порт-Артуром.

— У нас на горе Высокой — две батареи, — отвечал Кондратенко. — Одна — сто пятьдесят два миллиметра (152-мм пушки Канэ), другая — семьдесят пять (75-мм пушки образца 1892 года). Бетонные укрытия, броневые щиты. Выстоят. Передовые позиции прикрыты пулемётными гнездами.

— Артиллерии достаточно, чтобы отразить первый штурм, — докладывал Ирман. — На второй — может не хватить. Снарядов пока в избытке, благодаря постоянным поставкам из метрополии. Провианта и угля тоже достаточно.

— Снаряды и провиант будут и дальше, — сказал Кондратенко. — Макаров обещал, что флот не даст японцам полностью блокировать порт. Я верю адмиралу.

С высоты форта № 2 (на горе Угловой) открывался вид на город и гавань, где дымили трубы броненосцев. «Петропавловск», «Севастополь», «Полтава», «Пересвет», «Победа», «Ретвизан», «Цесаревич». Их командиры были известными на флоте капитанами: Яковлев 1-й, Черкасов, Парфёнов, князь Ухтомский, Щенснович, Иванов 13-й.

Кондратенко знал каждого — поимённо, по должностям, по характерам. Капитан 1-го ранга Николай Матвеевич Яковлев (в списках флота при одинаковых фамилиях ставили нумерацию, поэтому он числился «Яковлев 1-й») командовал «Петропавловском», пользовался заслуженным уважением экипажа. Спали с ним в одном кабинете, когда обсуждали планы обороны до глубокой ночи.

— В Порт-Артуре все хорошие, — ответил Кондратенко на тихую мысль, прозвучавшую из уст самого себя. — Иначе здесь не оставались бы.

Кондратенко думал о том же, о чём думал и Макаров: удержим Порт-Артур или нет?

«Мы удержим, — решил он. — Потому что отступать некуда. Основное — море, но оно наше. Макаров не допустит врага».

25 апреля 1904 года японские войска начали высадку на Ляодунском полуострове — в районе Бицзыво, в ста километрах к северо-востоку от Порт-Артура, как и предсказывал при

своем посещении города генерал Нечаев. Вторая армия генерала Оку Ясуката (около тридцати пяти тысяч человек при двухстах орудиях) должна была захватить порт Дальний (ныне китайский Далянь) и начать осаду Порт-Артура с суши. Это Нечаев тоже предсказывал, но ничего не смог поделать с медленно текущими работами по укреплению окрестностей Порт-Артура.

Макаров немедленно выслал эскадру к Бицзыво, чтобы обстрелять транспорты и десантные средства. Но японцы прикрывались сильным флотом — адмирал Того, несмотря на понесённые потери, вёл в бой десять броненосцев, в том числе и купленные еще у Англии пять кораблей, и пятнадцать крейсеров.

Восемь часов продолжался бой. Русские корабли не вступали в ближнее сражение — они держались на дистанции и били по транспортам. Того попытался сблизиться, но был встречен плотным огнём «Петропавловска» и «Севастополя». К вечеру японцы потеряли один крейсер и два миноносца. Русские потери — один крейсер («Баян») получил повреждения, но остался на плаву.

Десант не был остановлен, но понёс большие потери. Переброска войск затянулась на пять дней — это дало Кондратенко время подготовить укрепления к сухопутной осаде.

Кондратенко, получив известие о высадке, сказал своим офицерам:

— Господа, осада началась. Считайте каждый день. Каждый час. Вот вам план японцев, по данным разведки: сначала попытаются захватить Дальний и перерезать железную дорогу, потом начнут методический штурм фортов. Наша задача — не дать им взять крепость до подхода основных сил.

— А основные силы армии придут на помощь крепости? — спросил кто-то из офицеров.

— Придут. Я знаю это точно..

Вскоре после высадки Оку захватил порт Дальний — почти без боя, русский гарнизон был слишком мал, чтобы оборонять неукреплённый коммерческий порт. У японцев появилась своя база вблизи Порт-Артура, откуда можно было вести осаду. И это было так нехорошо для русской армии - невзирая на предупреждение Нечаевым императора, ничего не было предпринято для его укрепления. Похоже было на то что оставшаяся в тылу крепость была обречена. Для японского командования стало лишь вопросом времени, когда они захватят или заставят капитулировать находившийся в безвыходном положении Порт-Артур. Но они не знали, что русские готовы были драться до конца.

Миноносцы в море. Бой у Бицзыво и операция у Инкоу

Русское командование не оставляло надежд сорвать японские перевозки у берегов Ляодунского полуострова. Макаров, несмотря на победу в первом крупном сражении, понимал: японцы имеют преимущество в крейсерах и миноносцах. Их эсминцы постоянно рыскали у входа в бухту, ставили мины, обстреливали береговые позиции. Плюс еще "Владычица морей", то есть Англия, применив подлую систему продаж типа "продали Фарерским островам" (а те уже - Японии) поставили японцам еще пять новых броненосцев. Нужно было огрызаться — любой ценой.

В середине мая 1904 года Макаров отдал приказ: увеличить частоту "ночных экспедиций" к японским коммуникациям отрядом миноносцев под командованием капитана 2-го ранга Евгения Николаевича Елисеева. Первыми выскочили на разведку два миноносца: «Страшный» и «Боевой». Задача — атаковать любые японские транспорты на подходах к порту Дальний.

— Идите ночью, — напутствовал Макаров. — Бейте и уходите. Как партизаны Дениса Давыдова. Не ввязывайтесь в бой с превосходящими силами. Помните: корабли нужны нам для обороны.

Миноносцы вышли в море в 22:00 15 мая (28 мая по новому стилю). Ночь выдалась тёмной, море спокойным. Японские дозоры не ждали атаки — русские миноносцы уже несколько недель не выходили за пределы своей бухты.

В 2 часа ночи, когда отряд приближался к транспортам у островов Мяо-тао, их заметил японский крейсер «Читосе». Не затягивая ситуацию, Елисеев приказал атаковать. Миноносцы выпустили торпеды по транспортам и бросились наутёк.

Один из транспортов, перевозивший боеприпасы, взорвался с большим эффектом и затонул.

Обозленные японцы преследовали русские миноносцы до рассвета, но оторваться не удалось. Елисеев, оценив силы противника, принял решение уходить под прикрытие береговых батарей Порт-Артура.

— Полный ход! — скомандовал он.

Миноносцы, развив максимальную скорость, смогли уйти от погони - враги побоялись приближаться к радиусу действия береговых батарей крепости. Повреждений не получили, экипаж потерь не имел.

Макаров, прочитав рапорт Елисеева, сказал:

— Хорошо работают. Наградить всех.

Через две недели подобные операции по нарушению японских коммуникаций были расширены территориально. Макаров приказал атаковать японские десантные суда у порта Инкоу — севернее Порт-Артура, где японцы выгружали подкрепления для осадной армии. Эскадра вышла в море в полном составе — семь броненосцев, пять крейсеров и отряд миноносцев под командованием капитана 1-го ранга Владимира Казимировича Витгефта.

Японская эскадра Того не решилась вступить в бой, она имела там всего четыре броненосца — русские имели численное преимущество. Того отступил к югу, оставив транспорты без прикрытия. Русские корабли обстреляли десантные суда и портовые сооружения Инкоу. Несколько транспортов были потоплены. Подкрепления для осады Порт-Артура задержались на месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.